

Как я изучаю языки

После всех полутеоретических рассуждений надо бы, наверное, рассказать наконец, как же изучаю языки я, ведь это же название книжки. Итак, передаю свой опыт в надежде, что другие, испытав его, по закону диалектики предложат лучший метод, которым и я, в свою очередь, воспользуюсь, чтобы пополнить свой арсенал.

Предположим, я хочу изучить азильский язык. Такого языка, конечно, не существует. Придумала я его в этот самый момент, чтобы обобщить и подчеркнуть единство моего подхода.

Для начала я пускаюсь на поиски достаточно толстого азильского словаря. Я никогда не покупаю маленьких словарей: опыт — не только мой! — показывает, что они быстро становятся ненужными, все равно приходится искать большой словарь. Если не могу достать азильско-венгерского словаря, то пытаюсь раздобыть азильско-английский, азильско-русский и т. п.

Сначала использую этот словарь как учебник. Изучаю по нему правила чтения. В каждом языке (а следовательно,

и в каждом словаре) есть достаточно большое количество международных слов. И чем больше словарь, тем их больше. Названия наций, стран, городов (главным образом тех, что поменьше, названия которых не искажены так называемой традицией, то есть частым употреблением), а также «надъязыковая» терминология науки раскрывают передо мной все отношения между буквой и звуком в азийском языке. (Помню, что в русско-английском словаре, купленном мной в 1941 году, я прежде всего отыскала мое имя — Екатерина.)

Слова не учу, только рассматриваю их: считаю буквы и звуки, измеряю их длину, как если бы речь шла о кроссворде. Пока я разбираюсь с правилами чтения, словарь открывает мне и другие «секреты» языка: начинаю подмечать, с помощью каких средств образуются от одного корня различные части речи, как глагол становится существительным, существительное — прилагательным, прилагательное — наречием и т. д.

Это только проба на язык, на вкус, на осязание. Первое сближение с языком, чтобы потом подружиться.

Вместе со словарем или сразу вслед за ним покупаю учебник и художественную литературу на азийском языке. Так как я Средний Учащийся, то есть должна обучать сама себя, покупаю учебники с ключом, такие, в которых содержится правильное решение задач. Прочитываю один за другим уроки и делаю все упражнения. Пишу «просторно», чтобы осталось место для исправлений.

Смотрю в «ключ» и правильно записываю над моими неверными вариациями. Таким образом получаю наглядную «историю моей глупости».

Ругаю себя за совершенные ошибки и тут же себя прощаю (это очень важно: смотри ниже десятую заповедь!). В тетради оставляю всегда столько места, чтобы рядом с неправильными, искаженными словами и фразами написать пять-шесть правильных. Это помогает усвоить верные формы.

Так как проработка учебника — занятие довольно скучное, развлечение, как говорят, ниже среднего, уже в самом начале принимаюсь за чтение азильских пьес или рассказов. Если мне удалось достать адаптированные тексты, то читаю их. Если нет, беру любое литературное произведение. Приобретаю всегда минимум пару в надежде, что одно из двух окажется более понятным. Слишком современную литературу стараюсь не читать, потому что иногда не понимаю ее и по-венгерски.

Итак, безотлагательно принимаюсь за общедоступное по изложению и содержанию. Путь от непонимания через полупонимание к полному пониманию для взрослого человека — волнующий, интересный туристский маршрут, достойный развитости его духа. Прочтя книгу и прощаясь с ней, хвалю себя за выдержку и упорство.

При первом прочтении выписываю только те слова, которые поняла, то есть те, значение которых я смогла понять по контексту. Конечно, не в изолированном виде, а создавая для каждого свой небольшой контекст

(см. главы «Словарный запас» и «Как заучивать слова?»). Только когда читаю книгу во второй, а то и в третий раз, выписываю все остальные незнакомые слова. Впрочем, нет, не все, а только те, которые *сродни* мне, моей личности, которыми я пользуюсь в своей родной венгерской речи или которые я хорошо понимаю (ведь не всеми же словами мы обычно пользуемся и не все — что греха таить! — хорошо понимаем). И ко всем словам, которые я выписываю, обязательно присовокупляю «куст», «семью» (материал для «куста» можно найти в самой книге или словаре).

Однако все это еще не учит важнейшему из уже многократно упомянутых четырех языковых навыков — «пониманию устной речи». Проработав и прилежно переписав учебник, я все еще не получила достаточно правильного представления о произношении. Поэтому еще в самом начале знакомства с азильским языком один-два часа я посвящаю «картографированию эфира». Узнаю, когда и на каких волнах я могу слушать по радио передачи на азильском языке.

Предположим, Будапештское радио дает свои передачи в эфир на семи языках, Московское — более чем на 70, Пражское — на 17; хорошо слышны радиостанции соседних или недалеко лежащих государств. Так что в этом наборе азильский язык попадет обязательно. В последних известиях содержатся, как известно, важнейшие события дня. Хотя они и подбираются с учетом интересов жителей Азилии, в общем, они все же мало отличаются от передачи последних известий на других

языках. Поэтому для учебы и самоконтроля понимания я всегда прослушиваю в тот же день последние известия и на венгерском или на каком-либо другом, мне понятном. Таким образом, я получаю в руки нечто вроде ключа или даже словаря, если угодно. Если во время прослушивания азийскоязычного сообщения я слышу незнакомое слово (вначале, как правило, очень много незнакомых слов, так что записываю те, которые успеваю, и по возможности без ущерба для внимания к речи), то отмечаю его в тетрадке и после передачи отыскиваю в словаре. Немедленно. Потому что в памяти сохраняется еще контекст этого слова. Контекст же помогает и в том случае, если слово услышано неправильно (что случается довольно часто). И если после всего этого слово отыскать в словаре удалось, то ощущение удовлетворения с лихвой вознаграждает за труд.

Потом — не сразу, а через один-два дня — лексику, полученную из эфира, записываю в чистовой словарь. Эту расстановку во времени рекомендую потому, что таким образом я вынуждаю себя освежить, повторить начинающие уже ускользать из памяти знания.

Раз в неделю записываю передачу на магнитофон и запись храню до тех пор, пока не прокручу ее несколько раз и не выжму из нее все возможное на данный момент. Обычно прежде всего сосредоточиваю внимание на произношении. И часто попадают слова, которые я знаю уже из книг, но которые я не узнала сразу, потому что имела неправильное представление об их фонетическом образе; происходит, таким образом, повторное знакомство.

Стремлюсь, конечно, разыскать преподавателя, который может дать мне основы азильского языка. Удача, если удастся найти профессионального педагога. Но если нет, ищу знакомства с носителем языка, с учащимся или специалистом, приехавшим в нашу страну на длительный период.

С бóльшим удовольствием беру уроки у женщин, чем у мужчин. Наверное, потому, что у женщин язык подвешен лучше — беседовать с ними легче, как легче находить и контакт. (В самом деле, в чем причина этого испокон веков известного явления?)

От своего преподавателя азильского языка жду, в свою очередь, того, чего не могу получить ни от книг, ни от радио: 1) возможности договориться о более медленном темпе речи, чтобы уловить как можно больше слов; 2) возможности исправления моего собственного азильского на основе заданий, прилежно выполняемых мною к каждому уроку.

Вначале я пишу, что придет в голову, потому что это легче. Часто — отдельные словосочетания, в которые ввожу виденные или слышанные новые слова, грамматические формы. Исправления позволяют мне проверить, правильно ли я поняла значения слов, их роль в предложении. И затем начинаю переводить. *Заранее данный* текст так или иначе принуждает к тому, чтобы пользоваться уже не хорошо известными словами и формами, а менее определенными, к которым меня вынуждает жесткая, неумолимая обстановка перевода. В противоположность многим профессиональным преподавателям языка я разделяю мнение

Иштвана Понго, который в переводе — точнее, в переводе на иностранные языки — видит лучшее и эффективнейшее орудие закрепления знаний.

Неисправленная ошибка опасна! Повторяя неправильные формы, мы запоминаем их, и избавиться от них потом очень трудно. Письменный перевод, как энтомолог насекомых, накалывает наши ошибки на булавку, кладет их под микроскоп. А услышанное, как говорится, в одно ухо влетает, а в другое вылетает.

Многие годы водила я по Будапешту китайские делегации, и в программе осмотра города всегда была площадь Героев. По крайней мере раз пятьдесят сказала я в общей сложности, что в центре площади прижатые друг к другу венки обозначают могилу Неизвестного солдата. Это сочетание я переводила слово в слово. И никто никогда меня не исправил: гости, конечно, не обязаны учить. Спустя несколько лет, когда я получила из Пекина стилистическую правку моего перевода туристического буклета, выяснилось, что по-китайски говорят: могила Безымянного героя.

Несколько лет назад я работала в Англии с очень приятным, образованным коллегой-переводчиком. Едва мы только познакомились, как я сразу же попросила его исправить мои ошибки. А через три недели, при прощании, я упрекала его в том, что он не исправил ни одной ошибки. Неужели я ни одной не сделала? «О, как же, и еще сколько! — ответил он на мой вопрос. — Только, знаете ли, мы англичане, настолько привыкли к ошибкам иностранцев, что в нас выработался автоматический

механизм их исправления. И пока сказанное дойдет до сознания, оно имеет уже правильную форму».

Другой случай был довольно забавным и полной противоположностью предыдущему. Один из ведущих политиков дружественного соседнего с Венгрией государства давал ужин в честь нескольких сотен иностранных гостей. Торжественный тост он произнес, к сожалению, на родном языке, в котором я очень слаба. Мои смутные представления о дипломатическом протоколе подсказали мне, что ответную речь я должна переводить именно на этот язык. Никогда не забуду добросердечного хозяина, который во время перевода то и дело меня останавливал, обращал мое внимание на не сделанные ошибки, исправлял их, да к тому же объяснял, почему надо говорить так, а не иначе! Это было для меня лучшим подарком. И я тоже никогда не упускаю случая поучить тех, кто взялся за изучение моего родного венгерского.

Хотела бы подчеркнуть еще одно преимущество письменного перевода по сравнению с устной речью. Говорить на иностранном языке — это вопрос привычки, я бы даже сказала, рутины. В том смысле, что умный человек дотягивается лишь на ту высоту, на какую позволяет ему его рост или потолок его знаний. И ничего зазорного в этом нет. Беда вот только, что, если выкручиваешься и маневрируешь лишь наличными знаниями, не растет словарный запас, не обогащается синтаксический арсенал. Портье требуется знать 50–60 предложений, но знать их безупречно. Среднему Учащемуся следует знать в сотни

раз больше. Один мой французский коллега остроумно заметил: «В беседе говори что знаешь, а в переводе умей то, что нужно».

Те, у кого хватило терпения прочесть до конца мои соображения в связи с азильским языком, заметят в них, вероятно, отсутствие двух моментов. В любом более или менее солидном своде рекомендаций по изучению иностранного языка говорится, что, помимо всего прочего, необходимо основательно познакомиться с историей, географией, экономикой, культурой, искусством и литературой, скажем, той же Азилии. Такое знакомство еще более приближает нашу цель: максимально глубокое и широкое знакомство с иностранным языком. И все же, несмотря на всю полезность этого, приобретением или преподнесением вышеупомянутых знаний увлекаются чрезмерно.

И второе. Рекомендуют обязательно поехать в Азилию, ибо без практики в стране овладеть ее языком в совершенстве якобы почти невозможно. Стараться поехать, конечно, надо, но я бы не сказала, что пребывание в стране — обязательное условие для хорошего владения языком.

Многие заблуждаются, думая, что пребывание в стране автоматически даст знание языка этой страны. В языковой среде к нам, возможно, и приклеится пара разговорных оборотов, два-три десятка слов, выражений, но не больше. Во всяком случае не больше, чем мы сможем выучить дома за то же самое время. Ни случайные беседы с азильцами, ни сравнительное исследование магазинных витрин, ни простое вслушивание в речь не откроют нам

пути к азильскому языку. Но вслушивание со словарем в руках — да! Кроме того, местные газеты всегда содержат объявления о том, где и когда открывается выставка, организуется экскурсия, читается лекция в местном отделении азильского общества по распространению знаний. Всякий раз, попадая за границу, я стараюсь побывать везде, где только возможно. Особенно хорошее средство для изучения языка — хождение в кино. Во время одного из моих визитов в Москву я поставила своеобразный рекорд: за три недели я побывала в кино 17 раз. Идеально было бы, конечно, постоянно и тесно общаться с азильцами, имеющими родственный или тот же круг интересов. Особенно с теми, кто согласен взять на себя труд по исправлению ошибок нашей речи. Только в таком случае заграничная поездка принесла бы пользу для изучения языка.

Другим фактором, определяющим языковую полезность путешествия, является уровень наших знаний во время пребывания за границей. В следующей главе я попытаюсь дать классификацию знаний языка на основе пятибалльной системы отметок. Минимальную пользу поездка за границу приносит тем, кто имеет по изучаемому языку единицу и пятерку. Тот, кто до поездки ничего не знал, вернется домой с девственной головой. А тому, кто язык знал очень хорошо, заметить улучшения будет очень трудно. Хорошие результаты проявятся, пожалуй, только у «троечников».

Свой опыт от странствий по просторам иностранных языков я обобщила в десяти заповедях или рекомендациях тем, кто по-настоящему, а не кокетничая, не заигрывая, хочет овладеть иностранным языком.

I. Занимайся языком ежедневно. Если уж совсем нет времени, то хотя бы десять минут. Особенно хорошо заниматься по утрам.

II. Если желание заниматься слишком быстро ослабевает, не форсируй, но и не бросай учёбу. Придумай какую-нибудь иную форму: отложи книгу и послушай радио, оставь упражнения учебника и полистай словарь и т. д.

III. Никогда не зубри, не заучивай ничего по отдельности, в отрыве от контекста.

IV. Выписывай вне очереди и заучивай все «готовые фразы», которые можно использовать в максимальном количестве случаев.

V. Старайся мысленно переводить всё, что только возможно: промелькнувшее рекламное табло, надпись на афише, обрывки случайно услышанных разговоров. Это всегда отдых, даже для уставшей головы.

VI. Выучивать прочно стоит только то, что исправлено преподавателем. Не перечитывай собственных неисправленных упражнений: при многократном чтении текст запоминается невольно со всеми возможными ошибками. Если занимаешься один, то выучивай только заведомо правильное.

VII. Готовые фразы, идиоматические выражения выписывай и запоминай в первом лице, ед. ч. Например:

I am only pulling your leg (Я тебя только дразню). Или: Il m'a posé un lapin (Он не пришел на назначенную встречу).

VIII. Иностраннѳ язык — это крепость, которую нужно штурмовать со всех сторон одновременно: чтением газет, слушанием радио, просмотром недублированных фильмов, посещением лекций на иностранном языке, проработкой учебника, перепиской, встречами и беседами с друзьями — носителями языка.

IX. Не бойся говорить, не бойся возможных ошибок, а проси, чтобы их исправляли. И главное, не расстраивайся и не обижайся, если тебя действительно начнут поправлять.

X. Будь твердо уверен в том, что во что бы то ни стало достигнешь цели, что у тебя негибаемая воля и необыкновенные способности к языкам. А если ты уже разуверился в существовании таковых — и правильно! — то думай, что ты просто достаточно умный человек, чтобы овладеть такой малостью, как иностраннѳ язык. А если материал все-таки сопротивляется и настроение падает, то ругай учебники — и правильно, потому что совершенных учебников нет! — словари — и это верно, потому что исчерпывающих словарей не существует, — на худой конец, сам язык, потому что все языки трудны, а труднее всех — твой родной. И дело пойдѳт.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

